

Так и произошла реформа чайного законодательства. Покойный император Жэнь-цзун, проводя новую политику, ввёл «закон о доплатах». Правительство больше не контролировало чайные плантации, а позволяло купцам самостоятельно заключать сделки с фермерами, взимая с них только «доплаты» в качестве процентов. Таким образом, проблема «завышения цен» на векселя была решена. Для обычных торговцев это, конечно, было благом. Однако пострадали все те крупные купцы и чиновники, которые ранее наживались на этом. После введения «закона о доплатах» чайный рынок несколько раз переживал кризисы, и в итоге был полностью разрушен.

В итоге Жэнь-цзун издал указ об отмене чайной монополии, отменил государственный контроль и полностью ввёл свободную торговлю, разрешив купцам и фермерам самостоятельно заключать сделки. Однако после всех этих потрясений многие находились в состоянии неопределённости, не зная, не вернётся ли государственный контроль снова. Именно тогда глава Западной ветви Хань, Хань Юй, воспользовался возможностью и отправился в Фуцзянь, где взял под контроль несколько чайных плантаций. Он выплатил авансы фермерам, которых чайные налоги довели до грани самоубийства, и полностью взял их продукцию под свой контроль.

Благодаря мастерству Хань Юя и его вниманию к качеству чая, за несколько лет чайный дом Хань значительно расширился. Он не только охватил большую часть рынка Сянчжоу, но и начал поставлять чай в столицу, став важной частью бизнеса главной ветви Хань. Именно поэтому Хань Юй, возглавив торговый дом Хань, получил единодушное одобрение старейшин клана и даже министра Хань.

А Западная ветвь Хань также извлекла большую выгоду из чайного бизнеса. Помимо общественных плантаций, они на свои средства открыли две чайные плантации в Юэчжоу, которые только начали приносить доход. Если чайный дом будет отобран главной ветвью, эти две плантации также окажутся под угрозой.

Теперь, после смерти Хань Юя, торговый дом остался без хозяина, и амбиции различных ветвей снова всплыли на поверхность. Переход Сяо Няня на их сторону, вероятно, был частью плана по использованию влияния чайного дома для захвата контроля над торговым домом!

— Сейчас многие зарятся на торговый дом. В глазах старейшин, разве второстепенная ветвь может сравниться с главной? Чайный дом теперь перешёл к третьей ветви, вероятно, по указанию старейшин. — Хань Мяо всё понимал. Без их одобрения разве Сяо Нянь перешёл бы на сторону главной ветви? Западная ветвь Хань была всего лишь второстепенной, даже их имущество не было включено в общий клан, так что желающие пожить были не редкостью.

— Это же просто убийство после использования! Что будет с торговым домом? Разве господин не собирается бороться? — Хань Чжун скрежетал зубами. Тело старого господина ещё не остыло, а они уже готовы бросить их. Это слишком! Сейчас в семье ещё никто не получил учёной степени, а молодому господину, вероятно, придётся учиться ещё много лет, прежде чем он сдаст экзамены. Если главная ветвь действительно вытеснит их, вести дела будет крайне сложно.

— Бороться? Зачем? — Хань Мяо усмехнулся, но в его глазах не было и тени улыбки. — Десятилетия труда, и всё это не стоит даже нанятого управляющего.

Хань Чжун содрогнулся:

— Я понимаю, что господин разгневан, но сейчас министр Хань всё ещё при дворе. Если мы потеряем положение в торговом доме, даже наши собственные магазины могут оказаться под ударом. Нельзя действовать сгоряча...

Хань Мяо слегка кивнул:

— Я понимаю твою точку зрения, но методы отца уже устарели. Вместо того чтобы бороться с другими, лучше найти новый путь и добиться успеха. Когда мы заработаем деньги, сами принесут нам золотые горы, чтобы мы помогли им приумножить богатство.

Его слова звучали спокойно, но в них чувствовалась сила, недоступная обычному купцу. Хань Чжун почувствовал, как у него защемило в носу, и едва сдержал слёзы. Молодой господин был невероятно талантлив, в своё время он даже сдал областной экзамен, но не продолжил учёбу, а вместо этого занялся бизнесом. Это было большим сожалением для старого господина, но, судя по способностям, Хань Чжун считал, что молодой господин больше подходит для битв в торговле, чем для сидения в кабинете, погружённого в книги. Дело семьи теперь в надёжных руках.

Сдерживая волнение, Хань Чжун тихо спросил:

— Нужно ли нам поторопиться с нашими планами?

За последний год они тайно подготовились ко многому, чтобы защититься от козней главной ветви. Поездка на пограничный рынок была лишь одним из способов отвлечь внимание. Теперь, когда Сяо Нянь предал их, и чайный дом оказался под угрозой, похоже, пришло время действовать!

— Не спеши. — Хань Мяо улыбнулся и вдруг спросил. — А тот даос Чжэнь Цюн, о котором мы говорили, всё ещё в храме Чанчунь?

Почему он вдруг спросил о даосе Чжэнь Цюне? Хань Чжун на мгновение задумался, но быстро ответил:

— Конечно, он там. Говорят, уже вошёл в алхимическую лабораторию.

— Надо бы навестить его. — Улыбка на лице Хань Мяо снова стала мягкой и учтивой.

Он должен был отблагодарить его за спасение бабушки, и встреча была неизбежна. Но его действия заставят многих расслабиться, думая, что он даже не заметил проблем с чайным домом, и, возможно, даже посчитают Западную ветвь Хань слабой.

Разве можно нанести сокрушительный удар, не заставив их показать свои карты?

Последние несколько дней Чжэнь Цюн провёл в полном унынии. Не то чтобы ему не хватало ингредиентов или он не мог заниматься алхимией, но каждый день его донимал старый даос, задавая вопросы, что было не только раздражающе, но и заставляло его вести себя прилично, не позволяя воровать еду и питьё. Разве это жизнь?!

Более того, всего за несколько дней Чжэнь Цюн понял, что Чиляо-цзы, скорее всего, принадлежит к «школе Трав», занимающейся созданием лекарств, и многие его идеи как представителя «школы Металла и Камня» вызывали у старого даоса лишь насмешки. Но, находясь под его крышей, разве можно было не подчиняться? Чжэнь Цюн был на грани того, чтобы заболеть от такого напряжения.

Как бы избавиться от этого старого даоса? Прежде чем Чжэнь Цюн успел придумать что-то конкретное, его дядя вдруг прислал сообщение, что глава семьи Хань, внук старой госпожи Хань, поднялся в горы, чтобы снова выразить благодарность своему спасителю.

Этот человек действительно так важен, что дядя лично сообщил о нём? Чжэнь Цюн был слегка озадачен, но, подумав, вспомнил, что семья Хань была весьма состоятельной. Если это благодарность, возможно, он получит что-то вкусное или даже деньги? При этой мысли он сразу же радостно побежал на встречу.

В это время Го Фу, находясь в гостевой комнате, с улыбкой говорил:

— Чжэнь Цюн — любимый ученик моего старшего брата. Когда он приехал в храм Чанчунь, я, конечно, должен был о нём заботиться. Как можно благодарить меня, господин Хань?

Неудивительно, что он льстил. Как только Хань Мяо переступил порог, он сразу же пожертвовал деньги, рис и зерно, выражая благодарность Го Фу за заботу о его спасителе. Содержание маленького даоса не стоило таких денег, и Го Фу был в восторге, продолжая любезничать, а к своему непутевому племяннику относился уже не так плохо.

Эта ситуация вызвала у Го Фу сильное раздражение. Как раз когда он собирался отказаться от этого неудачника и вытащить его из алхимической лаборатории, Чилияо-цзы вдруг начал время от времени заглядывать в комнату Чжэнь Цюна. Однако он не учил его алхимии, не говорил добрых слов, а только хмурился и смотрел с недовольством, словно они были врагами. Возможно, он ценил талант Чжэнь Цюна, а возможно, был раздражён из-за той жареной рыбы и искал повод для конфликта. В итоге Го Фу не осмелился действовать, а настоятель Чжан Юнь также не предпринимал никаких шагов, что только усиливало его тревогу. Он боялся, что они ищут его слабости, чтобы нанести сокрушительный удар.

После нескольких дней мучительного ожидания появление богатого Хань Мяо наконец принесло Го Фу облегчение. В конце концов, этот парень был спасителем одной из ветвей семьи Хань, и это могло принести выгоду.

Однако, как только Чжэнь Цюн вошёл в комнату, Го Фу чуть не взорвался от гнева. Разве этот парень не мог привести себя в порядок перед выходом? Его грубая одежда была помята, а лицо покрыто сажей. Если бы он не знал, мог бы подумать, что его вытащили из дровяного сарая. Разве это «забота»?

С трудом сдерживая улыбку, Го Фу мягко сказал:

— Цюн, ты только что из лаборатории? Почему не умылся?

Чжэнь Цюн только тогда понял, что его лицо грязное, и попытался вытереть его рукавом, но только сделал ещё хуже. Лицо Го Фу также потемнело, и он поспешно приказал принести полотенце, чтобы вытереть лицо Чжэнь Цюна, прежде чем смущённо представил:

— Это господин Хань, внук старой госпожи Хань. Он пришёл, чтобы встретиться с тобой.

Это тот, кто принёс деньги? Чжэнь Цюн широко раскрыл глаза и с ожиданием посмотрел на гостя. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати с небольшим, одетый в тёмно-синий халат, с шляпой на голове и туфлями на ногах. На поясе висела лишь одна нефритовая подвеска, и в целом он выглядел скромно. Но почему-то в нём чувствовалась странная уверенность, которая говорила о том, что он... очень богат!

Подавленный этим впечатлением, Чжэнь Цюнь поклонился:

— Даос Чжэнь Цюнь приветствует господина Ханя.

<http://bllate.org/book/16827/1547183>